

В фондах российских и зарубежных архивов

Е.В. Градобойнова

Документы Разрядного приказа о Псковском мятеже 1650 г.

Ключевые слова: Псковский мятеж 1650 г., челобитная, отписка, отпуская грамота, Разрядный приказ, Большой разряд, Российский государственный архив древних актов, И.Н. Хованский.

Важнейшим периодом русской истории, во многом сформировавшим особенности Нового времени, была середина – вторая половина XVII в. На эти годы пришлись сложнейшие события, определившие жизнь общества на десятилетия вперед. Тогда в Московском государстве вырабатывалась модель единого для всех территорий местного управления, принимался унифицированный законодательный корпус, формулировались внешнеполитические приоритеты. Помимо позитивных последствий эти процессы имели и негативные стороны, недовольство которыми проявлялось в масштабных социальных конфликтах, в том числе в Псковском мятеже 1650 г. Предыстория восстания связана с урегулированием вопроса о русско-шведских перебежчиках, перешедших на территорию Московского государства после Столбовского мирного договора 1617 г., а непосредственная причина – с реализацией царских распоряжений о продаже шведам крупной партии хлеба в условиях двухгодичного неурожая. Псковичи, вынужденные в конце зимы покупать хлеб по довольно высокой цене, были возмущены намерением властей продать половину стратегического зернового запаса главному потенциальному врагу России на северных рубежах. Доводам о необходимости выполнять достигнутые

внешнеполитические договоренности они попытались противопоставить тезис о преднамеренном желании Швеции добиться для себя условий, позволявших ей реализовать экспансионистские планы в отношении северорусских территорий. Нежелание Москвы соглашаться с этими доводами вынудило псковичей нарушить основы сложившегося к тому моменту государственного порядка, выражавшегося в подчинении земских институтов распоряжениям центра. Захватившая власть земская изба в течение нескольких месяцев протестовала против якобы «неправедных», не санкционированных царем распоряжений, пыталась уличить «государевых изменников» в намерении нанести вред не только жителям Пскова, но и государственным интересам в целом.

Впервые в научной литературе Псковский мятеж упомянут Е.А. Болховитиновым¹, а позднее в контексте анализа значительных событий российской истории — Н.И. Костомаровым, С.М. Соловьевым, В.О. Ключевским, С.Ф. Платоновым². Наиболее детально его исследовал в советское время М.Н. Тихомиров, поначалу заинтересовавшись вопросом о роли в восстании мирских выборных органов, убежденных, что их действия вполне законны и отвечают интересам государя³. В 1935 г. появилась еще одна его работа по данной теме, написанная уже в силу необходимости четких классовых оценок⁴. В обобщенном виде результаты исследованных М.Н. Тихомировым событий в Пскове нашли отражение в вышедшей после смерти ученого книге, ставшей на долгие годы единственной попыткой всестороннего осмысления причин, хода и итогов Псковского мятежа 1650 г.⁵ В конечном счете, М.Н. Тихомиров попытался доказать существование в Пскове середины XVII в. двух непримиримо враждебных социальных группировок, а также то, что борьба «молодых» людей против «лучших» в самом городе тесно переплеталась с борьбой крестьянства против дворян и детей боярских в его пригородах. Историк полагал, что волнения в Пскове не просто незначительная вспышка народного гнева, а чрезвычайно опасное для правительства Алексея Михайловича проявление социальной борьбы: «Посадские люди и стрельцы образовали самостоятельные правительства в земских избах, которые свергли царских воевод и организовали свою вооруженную силу»⁶.

Исследования постсоветского периода привели некоторых историков к мнению о том, что «восстание в Пскове в 1650 г. не было предопределено и поэтому правомерным представляется сконцентрировать внимание не на причинах восстания, а на ходе событий», на выявлении пружин или катализаторов взрывного механизма бунта⁷. В этом качестве рассматриваются два взаимодополняющих момента — недостаток информации и конъюнктурные обстоятельства, связанные с фобиями средневекового человека (страх голода и возможной войны, тотальное недоверие к власти)⁸.

Сегодня основные выводы относительно характера и значения Псковского мятежа не утратили своей научной объективности. Бесспорно, что основной его причиной стало намерение Москвы в неурожайный год продать Швеции крупную партию хлеба из казенных житниц. Не подлежит сомнению и тезис о «двойственности положения» служилых людей по прибору, обусловившей общность их интересов с посадскими людьми. Однако в тени исследовательского интереса оказались боевые действия близ псковских крепостных стен. Между тем М.Н. Тихомиров называл трехмесячный

период с июля по август 1650 г. не иначе, как состоянием открытой войны Пскова с московским правительством, а В.А. Аракчеев оценивал взаимоотношения псковичей с явившимся их усмирять воеводой И.Н. Хованским как широкомасштабные военные действия⁹. Имена павших под Псковом дворян, детей боярских и всяких чинов людей было велено «написать... на Москве в соборной апостольской церкви Успения Пресвятыя Богородицы и в иных соборах, и по митрополии, и у архиепископов, и у епископов, и в больших монастырях в вечный сенаник»¹⁰. Кровопролитные итоги мятежа самой царской властью квалифицировались как военные потери, и, соответственно, убитые повстанцами служилые люди приравнивались к жертвам военного времени.

Исследователь, поставивший перед собой задачу проанализировать итоги усмирения Псковского мятежа 1650 г., должен в первую очередь обратиться к опубликованным К.И. Якубовым и М.Н. Тихомировым материалам¹¹. Это хранящиеся в РГАДА в фонде приказных дел старых лет за 1650–1651 гг. документы, составленные от лица как государя, так и его подданных, оказавшихся в гуще псковских событий. Не менее важен корпус неопубликованных документов, сосредоточенных в фонде Разрядного приказа того же архива. Раскроем их состав и содержание в данной статье.

Разрядный приказ, или Большой разряд, — один из важнейших в системе центральных учреждений Московского государства, в XVII в. ведал его служилыми людьми и военными делами. Одним из направлений административной деятельности Разряда было разрешение их проблем, которые не носили сугубо судебного характера и не входили в компетенцию других приказов¹². Выслушав поданную служилым человеком челобитную, царь и бояре объявляли по ней свое решение, которое думный дьяк-докладчик сначала записывал на той же челобитной, а затем отдавал в Разряде распоряжение об исполнении постановления. По завершении дела челобитную определяли в соответствующий отдел разрядного архива. Запись челобитной в разрядной книге с формулировкой «а челобитная его вклеена в приказной столп» рассматривалась служилым человеком как гарантия того, что его дело решено окончательно, не потеряется в приказном архиве и не будет забыто¹³. Благодаря такой практике сохранился корпус челобитных с просьбами о пожаловании за участие в подавлении Псковского мятежа¹⁴. Все они идентичны по форме изложения, но имеют различия, определяющие их дифференциацию на поданные лично в Москве¹⁵ либо через родственников или доверенных лиц¹⁶. И те, и другие могли исходить от одного или нескольких челобитчиков. В фонде встречаются также челобитные, составленные вдовами служилых людей или другими их родичами¹⁷. В отличие от челобитных, в которых государево жалованье испрашивалось на восстановление личной боеспособности (лечение, покупку обмундирования, вооружения, лошадей), в этих — «на поминку» погибшего родственника. (Единовременная компенсация правительства семье, утратившей кормильца, составляла 10 руб.)

Челобитные о жалованье иногда сопровождались контрольными выписками из донесений И.Н. Хованского о потерях в рядах его армии или показаниями служилых людей, подтверждавшими пребывание их соратников на службе¹⁸. Примечательно, что если воин, о котором дознавались в Разряде,

все-таки объявлялся «в нетех», то выданное ему жалованье взыскивалось с давшего ложные показания¹⁹.

В архивном фонде содержатся донесения воеводы И.Н. Хованского с приложением списков раненых и убитых в ходе сражений с псковичами²⁰. Он фиксировал потери в своих записных книгах, что подтверждено другими источниками: «...на бою ранен ис пищали по левой ноге, по бедре, и в записной де книге у боярина у воеводы у князя Ивана Никитича Хованского с товарищи рана ево записана»²¹. Отписки же посылал в Москву с «нарочитым гончиком», которому надлежало передать их в Посольский приказ дьяку Михаилу Волошенинову и Алмазу Иванову и (или) в Разрядный приказ думным дьякам Ивану Гавреневу и Семену Заборовскому и дьякам Григорию Ларионову и Ивану Северову. Так, в одной из воеводских отписок значится: «20 день выходили из Пскова многие пешие и конные люди, и бои были большие, и на тех боях дворян и детей боярских розных городов новгородцев, лучан, торопчан, ржевич, новоторжцов, пусторжевцов, а ково имяны дворян и детей боярских на боях и в котором числе ранили и я холоп твой Ивашко тех раненых и роспись имян их послал к тебе государю к Москве с Ондреем с Крыплевым, а велел им явитца и отписку подать в Розряде твоим государевым думным дьякам Ивану Гавреневу да Семену Заборовскому да дьяком Григорью Ларионову да Ивану Северову... Роспись дворяном и детем боярским, которые ранены на бою подо Псковом июня в 18 день. Стряпчей князь Григорей княж Дмитреев сын Путятин сечен топорком по правой руке...»²²

Самостоятельную группу образуют челобитные служилых людей на несправедливое распределение жалованья за псковскую службу и отпускные грамоты воеводы, подтверждавшие несовместимость полученных ранений с дальнейшим несением ратной службы, например в такой форме: «...для ево тяжелые раны отпустил к тебе государю к Москве», «раны тяжелые, а лекаря у меня, холопа твоего, нет, лечит их некому»²³. Достоверность этих воеводских заключений о степени тяжести ранений скрупулезно проверяли в Разрядном приказе. Так, после осмотра Осипа Деденева установили, что он «ранен ис пищали по левой руке в ладон под большой палец, пулка вышла сквоз в запястье на вылет, а другой палец у ногтя попорчен, а сказал, что от той ж пулки рана не зажила»²⁴. Или еще пример – «осматриван: пытан рубцы и струпия на спине знат, да у него ж на левом боку красно немного, а сказал ударен мушкетным дулом»²⁵. Случаи, когда воевода не присылал в Разряд сведений о ранении кого-либо из ратников, крайне редки, и после проведения разбирательства подобные делопроизводственные недочеты устранялись. Об этом говорится в одном из документов: «...били челом... словесно новгородцы Бежецкие пятины Михаила Ондреев сын Головцын да новокрещен Степан Алемлешев, сказали, были де они на ево службе подо Псковом, и на бою их ранили, а об ранах их ко государю к Москве в Розряд не писано, и государь бы их пожаловал, велел об ранах их дати в Розряд память...»²⁶

Итак, на основании названных источников можно установить персональный состав значительной части армии, подошедшей к стенам мятежного города для усмирения повстанцев, сформировать неизвестную ранее статистику боевых потерь с достаточно точной характеристикой полученных

ранений, восстановить картину социальных последствий кровопролитного противостояния Пскова и Москвы.

По свидетельству документов, армию И.Н. Хованского в большинстве своем составляли служилые люди из северных городов. В отписках воеводы и челобитных ратных людей фигурируют имена жителей Новгорода (76 человек), Торопца (67), Великих Лук (38), Ржевы Пустой (33), Ржевы Володимировой (29), Твери (8), Зубова (7), Торжка (7), Невеля (6), Нового Торжка (3), Старицы (2), а также новгородцев Бежецкой (34), Деревской (29), Обонежской (24), Вотцкой (16), Шелонской (11) пятин и еще 37 человек, место жительства которых в источниках не указано, «да с Олонца и с Сумерской волости салдаты»²⁷. Из числа псковичей (73) в войско И.Н. Хованского вошли те, кто, «помня государева крестное целование», не примкнул к воровскому заговору, «от воров и от мятежников ото пскович отъехал»²⁸. Псковские мятежные власти однозначно квалифицировали такие действия как измену их делу и отвечали на них разграблением имущества и расправой с оставшимися в городе родственниками. Жалоба на то, что «псковичи... изменники домишка розграбили и матери, и женишек, и детишек к смертной казни приводили и посадили в тюрьму» и «лошаденок ничево не оставлено», после прекращения восстания звучала неоднократно²⁹.

Поспешность при формировании боевых единиц армии И.Н. Хованского подтверждает, например, челобитная новгородца Якова Степанова сына Шамшина. Будучи в период восстания больным, он самовольно, за неимением времени для предварительной подачи челобитной на государево имя, отправил на службу своего сына Кирилла: «...на твоей государевой службе за меня был сынишка мой без челобитья, а я холоп твой в те поры был болен, а твоя государева служба ста скорая... а мне холопу твоему побить челом тебе государю было некому»³⁰. За новгородца Тимошку Максимова сына Мусина-Пушкина под Псковом служил сын Гришка, так как сам Тимошка «на... государеве службе в Нове Городе... залежал»³¹. Аналогичным образом действовали наиболее престарелые и немощные ветераны государевой военной службы: новгородец Обонежской пятины Клипка княж Тимофеев сын Мещерской, служивший еще царю Михаилу Федоровичу, отбывший уже при Алексее Михайловиче «с приезде и до отпуску» две береговых службы, кроме того, несший службу в Туле в полку у воеводы князя Федора Семеновича Куракина, отправил вместо себя сына Сеньку³². Пусторжевский помещик Терентий Иванов сын Ширяев, который во время Псковского восстания «трехом своим залежал», чтобы «к боярскому приезде в нетех не быть, и за себя на... государеву службу послал сынишка своего Агафонку»³³. По факту участия в подавлении мятежа отцы просили верстать своих детей «службою и отчеством», что подтверждает тезис о сопоставимости масштабов операции с военными действиями против внешних врагов. В одной из челобитных значится: «...бьет челом холоп твой псковитин Федка Шаблыкин, бил челом тебе государю новгородец Шелонской пятины Ортемей Федоров сын Курицын о сынишке моем, о Богдашке, чтоб тому моему сынишку служит тебе государю... и тот мой сынишко был на твоей государеве службе в ево Артемьево место подо Псковым с приходу до отпуску... тот мой сынишко ранен по правой ноге ис пищали и конь под ним убит, милосердный государь... пожалуй меня,

холопа своего, вели государь моего сынишка Богдашка верстать службою и отчеством в версту»³⁴.

Судя по документам, из числа дворян в ряды руководимого И.Н. Хованским войска попадали как опытные военные, так и юноши, не успевшие в силу объективных причин официально добиться звания служилых людей по отчеству, но ставшие таковыми в ходе восстания. О привлечении же максимально возможного числа ратных людей из других сословий свидетельствует челобитная луцкого казака Якима Бодрова, до псковских событий находившегося в Великих Луках в тюрьме «по оговору кобацкого дьяка в сысканном деле»³⁵. Вскоре он был «по государеву указу освобожден и послан с своею братьею на... государеву службу подо Псков»³⁶.

Архивные документы говорят о том, что последующую комплектацию боевых формирований И.Н. Хованского существенно затрудняли предпринимаемые псковичами контрмеры, направленные на недопущение усиления мощи противника. Так, 28 июля 1650 г. в оправдание своей негодности для дальнейшего ратного дела подал челобитную торопчанин Офонасей Иванов сын Кормолин: по пути на государеву службу его «псковичи воры... ранили ис пишали... Да у него ж де взяли конь простой с седлом и с уздой да мерин со вьюком»³⁷. Пскович Микита Степанов сын Бухвостов, благополучно доставивший из Разрядного приказа в Великие Луки денежную казну для выплаты жалованья казакам, впоследствии «за псковскими и псковских уездов за ворами на государеву службу подо Псков в полк к государеву боярину и воеводам ко князю Ивану Никитичу Хованскому с товарищи не проехал»³⁸ и во избежание причисления к нетчикам явился на государеву службу в Опочку «и на воров ходил по посылке государева воеводы Лариона Савельвиева Татищева, и на сторожах стоял от тех воровских людей»³⁹. После выхода царского приказа об отправке под Псков стрелецких отрядов под командованием головы Петра Бабаева и Ивана Бухвостова опочкинский воевода Ларион Татищев прикомандировал к ним Микиту Степанова сына Бухвостова, но стрельцы тоже не смогли прорваться сквозь курсировавшие в окрестностях формирования противника. Это подтверждено документально: «...те стрелецкие головы со стрелцами и псковитин Микита Бухвостов за псковскими и псковских пригородов и уездов за ворами не прошли, а пришли на Опочку, потому что с теми ворами у них бои были многие, и на тех боех многих ратных людей переранили и побили»⁴⁰. В челобитной самого Микиты Степанова сына Бухвостова точно указано место столкновения и сообщены его подробности, в том числе потери: «...и как те головы пришли на Воронечю, и встретили воровских многих людей, и те, государь, воры с ними бились, и я, холоп твой, на бою был, и взяли... и как, государь, те головы пошли с Воронечю к Острову и у нас, холопей твоих, бой два дни беспрестани, и те, государь, головы Иван Бухвостов да Петр Бобаев пришли за шесть верст Острова, и с теми ворами сошлись, и бой у нас, холопей твоих, с ними»⁴¹.

Архивные документы датируют начало наступательной операции 28 мая 1650 г., когда И.Н. Хованский с ближайшими сподвижниками Микифором Мещерским и Акимом Трофимовым, «устроая артаулы и сотни, и полк, пошли... ко Пскову (из Новгорода. — Г.Е.)»⁴². Любятинский и Снеготорский монастыри, постепенно возрождавшиеся после нашествия в 1581 г. войска

Стефана Батория, а затем разорения и запустения Смутного времени, стали двумя главными пунктами сосредоточения правительственных войск. Разместившись на Снетной горе, И.Н. Хованский насчитал в своих рядах 1900 человек, да еще около 500 человек, по подсчетам воеводы, «объявились в нетех». Этого количества ратников хватило на «бережение» весьма короткого отрезка от Любятинского монастыря до Снетной горы, остальное пространство вдоль псковских крепостных стен оставалось абсолютно неподконтрольным царским войскам.

Уже в самом начале операции И.Н. Хованского подстерегал ряд трудностей: наряду со скудостью людских ресурсов ощущалась нехватка пороха, свинца и провианта, так как уездные жители, следуя грамотам из мятежного города, «хлеб свой всякой по лесам похоронили». Воевода попытался пополнить запасы за счет Печерского монастыря, но тот, напротив, предлагал свою помощь повстанцам. Положение с боеприпасами было настолько тяжелым, что И.Н. Хованскому пришлось обратиться по истечении двух месяцев осады, 25 июля, с просьбой о помощи к новгородскому воеводе Ю.П. Буйносову-Ростовскому.

Военная организация самих псковичей изначально подкреплялась самовольно изъятыми ресурсами казенных городских запасников. В дальнейшем «завотчики» мятежа пополняли запасы продовольствия и вооружения за счет имущества, награбленного в дворянских усадьбах по выданным в земской избе памяткам. В документах фигурируют жалобы на разграбление имущества от дворян, чьи поместья располагались в Шелонской и Вотцкой пятинах, Луцком уезде и Ржеве Пустой. О масштабах и эффективности функционирования данных вооруженных отрядов (члены которых именуются в источниках «ворами и шишами»), поддерживавших бесперебойное снабжение «сидельцев» продовольствием, писал царю и новгородский митрополит Никон: «И августа в 4 день ведомо мне, твоему государеву богомолцу, учинилось, что псковские воры шиши во Псков скоту стада великие прогнали и на многих телегах грабленого живота провозили и по се число беспрестанно по уезду воруют»⁴³. Временами воеводе удавалось пресечь сообщение с рядом засад, из которых в Псков доставлялись корма и пригонялась скотина, но наличие живого плавучего моста через реку Великую компенсировало псковичам эти лишения возможностью фактически беспрепятственно проходить в Завелицкие засады. Из челобитной Феклицы, вдовы псковского архиепископа сына боярского Макара Северова, явствует, что в земской избе были составлены списки лиц, обязанных сражаться против армии И.Н. Хованского. Она писала: «...муж мой Макарей написан был в архиепискупле росписи на выезде со архиепискупле дети боярскими против твоих государевых ратных людей поневоли воров и мятежников старосты Гаврилка Демидова с товарищи»⁴⁴.

Уже 31 мая произошло открытое сражение правительственных войск с конными и пешими псковичами, атаковавшими возведенный между Снетной горой и Любятинским монастырем острожек. Предпринятые И.Н. Хованским попытки убедить псковичей сдаться без сопротивления успехом не увенчались. Посланным к городским стенам с уговорными речами дворянам псковичи отвечали обличением всех бояр и думных людей в измене, а самого воеводу «скверными лаями лаяли», обвиняли в захвате обманом Великого Новгорода и хотели тело его «в котле варить да есть». Последний

факт говорит о том, что центральная власть, сделав ставку на удачный опыт И.Н. Хованского в усмирении мятежного Новгорода, в конечном итоге просчиталась, так как для псковичей это являлось дополнительной мотивировкой против воеводы «стоять накрепко». По данным росписей имен убитых и раненых, самые значительные бои с мятежными псковичами разгорались по инициативе повстанцев: «...выходили из Пскова многие пешие и конные люди и бои были большие»⁴⁵. Данная формулировка (зачастую с уточнением «на сотни, которые поставлены у Любятинского монастыря и на острожек») дублируется при сообщении о потерях, понесенных армией И.Н. Хованского в ходе сражений 28, 31 мая; 4–8, 13, 18, 20, 23, 25, 28, 29 июня; 7, 12, 18, 24, 29, 31 июля; 2, 6, 8, 10 августа. Таким образом, с 28 мая по 10 августа непосредственно у стен города произошло как минимум 25 кровопролитных боев, причем атакующей стороной в большинстве случаев были сами «осажденные» псковичи. Это свидетельствует о преобладании в рядах мятежников служилых людей, имевших определенную боевую подготовку, – стрельцов и казаков.

Воевода рьяно убеждал центральную власть в правдивости посылаемых им сводок потерь в рядах своей армии. Анализируя сведения этих источников, можно установить их характер. Так, из выявленных почти 500 имен ратных людей, побывавших в разные дни «на боях», 39 человек было сечено топором, 17 – саблей, по одному человеку – бердышом по правой руке, копьем, поcolato в шею рогатиной и бито пищалю в голову, у 101 – зафиксированы пулевые ранения, еще у 13 характер ран не указан. Поскольку решение о выдаче жалованья за несение боевой службы принималось в Разрядном приказе зачастую на основе непосредственного осмотра служилых людей, в воеводских отписках старались как можно точнее зафиксировать характер ранений. Наиболее многочисленными были ранения в руку (более 60) и ногу (свыше 40), куда меньше в голову (13), плечо (10), лицо (14), «по перстам» (9), в спину, бок и шею (по четыре), в пазуху, лопатку, пах, затылок, живот (по одному). Пометок о том, что «рана легка» («ранен немного», «тела захватило немного»), насчитывается 19, но, очевидно, и некоторые другие ранения могут быть отнесены к той же категории (например, «очеряплено поносу ис пищали на излете» и проч.). Ранений из пищали с «пулкой навывлет» насчитывалось девять, еще три случая обозначены заключением «пулка в нем». Согласно указу о внесении «в вечный сенаник» имен убитых в боях, под Псковом погибли 72 человека.

Что касается сведений о боевых потерях псковичей, то они даже приблизительно в документах, составленных от лица И.Н. Хованского, указаны не всегда. Косвенно о них упоминается в связи с рассмотрением челобитной того или иного ратного человека о выдаче государева жалованья за псковскую службу. Так, в бою 12 июля Васильевой сотни Нелединской лучанин Федор Семенов сын Ламанов убил мужика; Андреевой сотни Окунева Федор Степанов сын Шаблыкин, принимавший участие в сражениях 28 мая, 5, 7, 18 июня, 12 июля, «государю служил, бился явственно ранен в двух местах да он убил двух мужиков»; в бою 7 июля Богдан Федоров сын Шаблыкин убил мужика⁴⁶. В опубликованных К.И. Якубовым актах есть сведения о понесенных псковичами потерях в боях 31 мая («у них, пскович, с Снетной горы убили шти человек, а иных ранили»⁴⁷) и 18 июня («а вских чинов

людей, стрельцов и казаков, и монастырских служек, и пахатных мужиков, и посадских людей убили человек с триста, а многие ранены»⁴⁸).

Приведенная статистика весьма наглядна и говорит о социальной принадлежности псковичей, принимавших непосредственное участие в мятеже. Явное преобладание пулевых ранений и существенное число убитых свидетельствует о том, что находившееся в Пскове стрелецкое войско⁴⁹ участвовало в отстаивании выдвигаемых мятежниками требований – в первую очередь отмены правительственного распоряжения об отправлении за рубеж значительной партии хлеба в условиях его недорода и высокой стоимости. Дополнительным фактором, предопределившим участие стрелецких формирований в восстании, стали многочисленные злоупотребления воеводской администрации, не выплачивавшей жалованье за возложенную на стрельцов службу. Согласно опубликованным расспросным речам псковича М.Жиневлева от 22 марта 1650 г., псковский воевода Н.С. Собакин попытался склонить стрельцов на свою сторону оперативной выплатой причитающихся им денег, но запоздалая мера не повлияла на умонастроения взбунтовавшихся стрельцов⁵⁰. Естественно, у посадского населения Пскова также были поводы для недовольства местной администрацией, и часть требований так называемой «Большой псковской челобитной» исходила в том числе от их лица. Но именно участие в мятеже профессионального военного сословия, не просто оборонявшегося за крепостными стенами города, а инициировавшего целый ряд успешных атак против армии И.Н. Хованского, побудило правительство пойти на уступки, пообещав прекратить осадную операцию и простить псковичам их «воровство», за которое по нормам Соборного уложения 1649 г. полагалась смертная казнь. И несмотря на то, что в конце 1650 – начале 1651 г. часть мятежников все-таки была казнена или отправлена в тюрьмы, приговоры им выносились за попытки возобновления прежнего «воровства и гилеванья» после крестного целования, а не за участие в событиях февраля – августа 1650 г.

¹ Болховитинов Е.А. (Митр. Евгений). Сокращенная Псковская летопись. Псков, 1993.

² Соловьев С.М. Соч.: В 18 кн. Кн. IV: История России с древнейших времен. Т. 7. Гл. 3. М., 1989; Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописании ее главнейших деятелей. М., 1990; Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций: В 3 кн. М., 1995; Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. СПб., 2000.

³ В 1919 г. М.Н. Тихомиров подготовил под руководством С.В. Бахрушина дипломную работу «Псковский мятеж XVII в. Из истории борьбы общественных классов в России», в которой во многом следовал идеям итоговой для до-революционной историографии работы

С.В. Бахрушина. См.: Бахрушин С.В. Московский мятеж // Сб. ст. в честь М.К. Любавского. Пг., 1917. С. 709–744.

⁴ Тихомиров М.Н. Псковское восстание 1650 г. М., 1935.

⁵ Тихомиров М.Н. Классовая борьба в России XVII в. М., 1969.

⁶ Там же. С. 236.

⁷ Аракчеев В.А. Псковский край в XV–XVII веках. Общество и государство. СПб., 2003.

⁸ Там же. С. 257.

⁹ Там же.

¹⁰ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 210 «Разряд. Новгородский стол. Столбцы». Д. 77. Л. 99.

¹¹ Россия и Швеция в первой половине XVII в.: Сб. док. / Сост. К.И. Яку-

бов. М., 1897; Тихомиров М.Н. Классовая борьба в России XVII в.

¹² Новохатко О.В. Записные книги Московского стола Разрядного приказа XVII в. М., 2000. С. 265.

¹³ Там же. С. 271–272.

¹⁴ РГАДА. Ф. 210. Д. 77, 102.

¹⁵ Там же. Д. 102. Л. 2.

¹⁶ Там же. Л. 1–1 об.

¹⁷ Там же. Л. 109.

¹⁸ Там же. Л. 29.

¹⁹ Там же. Л. 36, 38.

²⁰ Там же. Д. 77. Л. 114.

²¹ Там же. Л. 155.

²² Там же. Л. 15–16.

²³ Там же. Л. 39, 93.

²⁴ Там же. Л. 152.

²⁵ Там же. Л. 118.

²⁶ Там же. Л. 124.

²⁷ Там же. Л. 259.

²⁸ Там же. Д. 102. Л. 60.

²⁹ Там же. Л. 15, 65.

³⁰ Там же. Л. 82.

³¹ Там же. Д. 77. Л. 126.

³² Там же. Л. 80.

³³ Там же. Д. 102. Л. 13.

³⁴ Там же. Д. 77. Л. 170.

³⁵ Там же. Л. 33.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же. Л. 110.

³⁸ Там же. Л. 112.

³⁹ Там же. Л. 113.

⁴⁰ Там же. Л. 112.

⁴¹ Там же. Л. 113.

⁴² Россия и Швеция в первой половине XVII в. ... С. 376.

⁴³ Тихомиров М.Н. Классовая борьба в России XVII в. С. 276.

⁴⁴ РГАДА. Ф. 210. Д. 77. Л. 77.

⁴⁵ Там же. Л. 2–3.

⁴⁶ Там же. Л. 145, 167, 172.

⁴⁷ Россия и Швеция в первой половине XVII в. ...

⁴⁸ Там же. С. 387.

⁴⁹ Точных сведений о численности стрелецкого гарнизона в Пскове на момент восстания нет, но, по подсчетам В.А. Аракчеева, она не превышала 1300 человек, сведенных в три стрелецких полка. См.: Аракчеев В.А. Указ. соч. С. 298.

⁵⁰ Тихомиров М.Н. Документы о новгородском восстании 1650 г. // Новгород. К 1100-летию города. М., 1964. С. 289–290.

²⁸ Стрелов Е.Д. К вопросу о доисторическом прошлом якутов // Сб. тр. исследовательского общества «Saga Keskile». Якутск, 1926. Вып. 3. С. 25.

²⁹ Стрелов Е.Д. Важнейшие задачи истории в Якутии // Сб. тр. исследова-

тельского общества «Saga Keskile». Якутск, 1925. Вып. 1. С. 35.

³⁰ Там же. С. 36.

³¹ Там же. С. 41.

³² Там же. С. 44 об.

³³ Степанова М.М. Указ. соч. С. 99.

Т.А. Лантева

Документы приказного делопроизводства для изучения истории провинциального дворянства России XVII в.

Ключевые слова: десятины, тетрадь («книга») раздачи жалованья, списки дворян и детей боярских, разборная книга, смотренный список, разрядная книга, записная книга, столбец, Российский государственный архив древних актов, публикация документов, А.П. Барсуков, С.Б. Веселовский, В.Н. Сторожев, С.А. Шумаков.

Исследователь истории провинциального дворянства XVII в. не может пожаловаться на недостаток источников — они хранятся не только в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА), но и в местных государственных и муниципальных архивах, в библиотеках, музеях. Значительная их часть, главным образом документы центральных учреждений (приказов), опубликована историками XIX–XX вв.¹, причем в ряде случаев с развернутыми комментариями, что весьма ценно для современных историков, а также архивистов, проводящих описание подобных комплексов. Предпринимались и определенные попытки классификации этих источников². Совершенно очевидно, что их можно делить по разным основаниям: по степени доступности (опубликованные и неопубликованные); по месту создания (приказы, приказные, съезжие избы и другие органы местного управления, документы личного происхождения), наконец, по видам, но принадлежность к определенной группе должна учитываться при анализе текстов.

Цель статьи — показать корпус документов приказов (Разрядного, Поместного, Печатного) в целом, раскрыть особенности их создания и возможности для исследования истории провинциального дворянства³ России XVII в.

Главным учетно-служебным документом по рассматриваемой теме являются десятины, хранящиеся в первую очередь в РГАДА в фонде Разрядного приказа. Однако за вторую половину века здесь имеются лишь отдельные десятины или их фрагменты, что объясняется востребованностью

этих документов при составлении родословных росписей, а возможно, и в конце XVIII в. — для получения дворянских грамот и дипломов. Часть документов Разряда погибла во время пожара 1812 г. Вместе с тем десятины указанного периода сохранились на местах, в фондах государственных и муниципальных архивов, иных архивохранилищах.

Многие из этих источников были опубликованы еще в конце XIX в. В.Н. Сторожевым. Но если публикация десятины за XVI в. может быть признана относительно полной, то за XVII в. историк-архивист успел ввести в научный оборот только разборные десятины 1621/22 г. по нескольким уездам⁴. Тем не менее ценность данной работы чрезвычайно велика. Примененные В.Н. Сторожевым археографические приемы (сохранение при передаче текста особенностей XVII в., выделение нестандартной для десятины информации курсивом и сопоставление содержания записей разных десятины об одних и тех же лицах) до сих пор не утратили своего значения. Все это позволяет получить достаточно полную информацию об экономическом положении провинциального дворянства и его эволюции, продвижении как на военной, так и на гражданской службе, степени грамотности, изменениях в вооружении, внутренней структуре служилого «города» и т.п. Для рассматриваемой темы могут быть использованы и опубликованные В.Н. Сторожевым в первом томе его «Материалов» десятины XVI в., поскольку публикатор и в этом случае сопоставляет их с десятинами XVII в., фиксируя изменения численного состава «городов» и другие особенности учета служилых людей по сравнению с более ранними документами. Это же относится к опубликованным Ю.В. Готье десятинам по Владимиру и Мещере 1590 и 1615 гг.⁵ А десятиный список 1613 г. и десятины денежной раздачи 1615 г. по Арзамасу опубликованы С.Б. Веселовским⁶. Исчерпывающий анализ содержания десятины XVII в. невозможен без сопоставления с десятинами XVI в., введенными в научный оборот Н.П. Лихачевым, Е.Д. Сташевским, М.В. Муравьевым и др.⁷ Однако следует учитывать и то, что текст этих десятины, сохранившихся в поздних списках, подвергся невольным, а иногда и сознательным искажениям, что затрудняет работу с ними.

Десятны за вторую половину века остались практически неопубликованными, за исключением десятины Пензенского края, обнаруженных А.П. Барсуковым в архиве Пензенского дворянского депутатского собрания в списках конца XVIII в.⁸ Из семи опубликованных им десятины (три пензенские, две атемарские, верхнеломовская и керенская) только две имеют это название, а остальные — «именные списки смотру». Они ценны прежде всего свидетельствами об изменении характера службы «города» в южной России во второй половине XVII в. Внутри списка городские дети боярские разделены уже на служащих солдатскую и рейтарскую службу, причем по чинам, а также на «новокрещенов», мурз, татар и др. Вместе с тем сохраняются сведения о размере денежного и поместного окладов, поверстании окладами, придачах к ним, «написании» по выбору, в «дворовые», в «житье» и пр. По этим десятинам можно проследить процесс поверстания в дети боярские представителей низших сословий, верстание и службу солдат Московского выборного полка А.А. Шепелева, дворян и детей боярских разных национальностей. В целом опубликованные А.П. Барсуковым десятины (или списки) предоставляют очень важную информацию об особен-

ностях службы беднейших слоев русского дворянства, «однодворческого» населения южных уездов, среди которых было много выходцев из казаков и стрельцов.

К этому же виду источников примыкают опубликованные Н.В. Калачовым в 1884 г. «Список верстальных боярским детям в Короченском уезде» 1650–1663 гг. и «Разбор мецнян и службу» 1675 г.⁹ Оба эти документа происходят из архивов местных учреждений – уездных судов – и по своему характеру могут быть отнесены к десятиям, однако в публикации они помещены среди других «актов», поэтому обнаружить их и выявить специфику исследователю довольно непросто.

Изучение десятиен, столь интенсивно публиковавшихся в конце XIX – начале XX в., затем прервалось более чем на полвека. Исключением можно считать публикацию И.П. Мальцевым смоленской десятии 1606 г.¹⁰ В 1970-е гг. эта традиция была продолжена А.Л. Станиславским¹¹, однако кроме его работ других отдельных публикаций десятиен вплоть до начала XXI в. не появилось. В вышедшем в 2003 г. сборнике «Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века» даны четыре так называемые «сыскные» десятии Бежецкой, Деревской, Водской и Шелонской пятин Новгородского уезда 1619 г.¹² При комментировании документов издатели обратили внимание прежде всего на упоминания об участии указанных в них лиц в боях и походах 1606 и 1607 гг. Между тем эти источники дают представление и об иных сторонах истории дворянства – экономическом положении, финансировании, порядке продвижения по службе и др.

Интерес к изучению и публикации десятиен и дворянских списков продолжает нарастать, о чем свидетельствует, например, публикация А.П. Павловым «сыска» списка дворян и детей боярских 1613 г. в «Русском дипломатари»¹³. Помимо значения для исследования событий Смутного времени список позволяет расширить представления об изменениях состава городского дворянства в первой половине XVII в. (в сравнении с тверскими десятиями, опубликованными В.Н. Сторожевым) и источниках его пополнения, в том числе из казаков. К сожалению, весь состав «Книги сыска дворян и детей боярских разных городов», хранящейся в Российской национальной библиотеке и уже использованной В.Н. Козляковым, пока не стал предметом научной публикации. В настоящее время актуальной задачей являются не только ввод в научный оборот новых десятиен (а в отдаленном будущем и полная их публикация)¹⁴, но и изучение, а также теоретическое осмысление уже изданного материала, сопоставление информации как десятиен разного времени по одному городу, так и десятиен по отдельным вопросам и рубрикам, изучение обстоятельств составления не только собственно самих источников, но и данных при этом наказов.

К десятиям близки по форме тетради (или «книги») раздачи жалования дворянам и детям боярским за смоленскую службу 1614–1615 гг. и 1617 г.¹⁵, составленные в Разряде и опубликованные С.Б. Веселовским. В них имеются сведения не только о службе и экономическом положении бывших под Смоленском дворян, но также о «сыске» их окладов «при царе Василье» в городах и о придачах к ним, в том числе «при боярах», о поручителях и рукоприкладствах. В названном издании опубликована и рас-

ходная книга Устюжской четверти 1618/19 г. с информацией о принадлежности к тому или иному «городу» получающих жалование из этой четверти, о придачах к их окладам, отставке от службы, «справке» окладов за детьми, убавлении окладов за побег со службы, «справке» старых окладов по «сысным спискам», присланным из городов, и т.п.¹⁶

Во второй половине XVII в. десятии в Разрядном приказе уступили место спискам дворян и детей боярских и разборным книгам. Списки, как и десятии, составлялись по «городам», их структура почти идентична структуре десятиен, с рубриками выбора, дворовых и городских, указанием их поместных и денежных окладов. Но в них, в отличие от десятиен, имеются более поздние добавления и приписки об изменениях в службе того или иного лица, верстании, придачах к окладам за участие в службах и походах, отставке, смерти. Иногда в списках значится и количество крестьянских дворов за помещиками и вотчинниками. Списки составлялись вплоть до начала XVIII в.; есть в них и свидетельства о разборах 1703, 1706 и 1709 гг.¹⁷ Однако они, как и десятии, не охватывают всю совокупность «городов». Документы позволяют установить, что десятии составлялись на основании разборного списка, а тот, в свою очередь, – по данным дворянами и детьми боярскими «сказок», заверенных подписями. Поэтому копии десятиен содержат упоминания о «прикладывании рук» разбираемых¹⁸. Таким образом, составление десятиен проходило несколько этапов и сопровождалось значительной унификацией и отбором информации.

Формуляр разборных книг, получивших распространение во второй половине XVII в., близок к формуляру десятиен: он также содержит рубрики выбора, дворовых, городских и новиков, с указанием окладов (поместного и денежного). При их составлении тоже присутствовали окладчики («прикладывали руки» к этим книгам), а «разбираемые» приносили свои «сказки». Последние откладывались в «разборных столбах», с подписями («за руками») «разбираемых», а если те были неграмотны – «за руками» окладчиков и других лиц. Разборные книги (иногда назывались «разборными списками») гораздо содержательнее десятиен, они показывают усложнение, совершенствование делопроизводства Разрядного приказа и по характеру приближаются к формулярным спискам XVIII в. В разборных книгах приводились взятые из «сказок» сведения: год начала службы дворянина или сына боярского, размер его новичного и полного окладов, придачи за службы, год и мотив пожалования в выбор или дворовые, наличие земельных владений, крестьянских и бобыльских дворов, сенных покосов, лесов, мельниц, рыбных ловель, а также детей с указанием возраста и служат ли они, численность работающих у него задворных и деловых людей, его вооружение при выезде на службу, вооружение и численность людей, которых он приводит с собой, как несет службу, в какие сроки приезжает и уезжает с нее, может ли служить с данного поместья или вотчины без денежного жалования¹⁹. Формуляр разборных книг варьировался в зависимости от региона и тех лиц (в том числе приказных людей), которые осуществляли разбор.

Еще одним важным источником для характеристики провинциального дворянства являются смотренные списки. Они сохранились в фонде Разрядного приказа²⁰ в виде книг и столбцов, но до сих пор еще плохо изуче-

ны и не опубликованы. Описание их было выполнено на высоком для своего времени уровне упомянутым выше В.Н. Сторожевым и под его руководством. В них встречаются сведения не только о «нетчиках» тех или иных «городов», но и об организации их службы, вооружении приезжавших в полки. Поскольку записи сделаны с учетом традиционной структуры «городов» (выбор, дворовые, городские) и указанием поместных и денежных окладов, то можно выявить социальное положение «нетчиков» и подсчитать общую численность тех или иных «городов» во второй половине XVII в., т.е. фактически реконструировать десятню.

Среди опубликованных источников материалы десятен в значительной степени дополняют сведения разрядных книг первой половины XVII в.²¹ Здесь содержатся указы воеводам о сборе дворян и детей боярских на службу в том или ином городе, данные о характере службы, наказаниях за уклонение от нее, составлении и содержании учетных документов (десятен и др.), численности дворян и детей боярских того или иного «города» в полках, местах их службы и др. Однако за вторую половину века книги в фонде Разрядного приказа почти не сохранились. Для восполнения информации могут быть привлечены так называемые книги «нарядов» на службу, например в Крымские походы. В них есть сведения о численности дворян и детей боярских из «городов» в разрядах и полках, а также всего войска и уклонившихся от службы, порядке организации службы и выездов на нее. Весьма ценную информацию дает перечневая роспись разрядов и полков, составленная в ходе военной реформы в 1681 г.²² Данные разрядных книг дополняются сведениями записных книг Московского стола (всего их сохранилось 27) о дворцовом церемониале и различных «походах» и приемах царского двора, службе московского и провинциального дворянства. Большая часть записных книг опубликована в конце XIX в.²³

Весьма ценны и книги Иноземского приказа (также в составе Московского стола Разряда), содержащие интересный материал о процессе проникновения «иноземческого» элемента в состав русского дворянства, но пока малоизученные.

Разнообразием документов (челобитные, памяти, отписки воевод), включающих сведения о положении городского дворянства, особенно о его службе и становлении самосознания, отличаются столбцы Разрядного приказа. Большинство их опубликовано в трех томах «Акт Московского государства» (далее – АМГ), подготовленных к печати В.Н. Сторожевым. Однако эта публикация при всей ее ценности не может быть признана научной: заголовки документов не всегда отражают их содержание, имеются значительные пропуски, особенно в формулярах. Что касается столбцов других столов, то они публиковались лишь выборочно рядом исследователей в отдельных изданиях и ввиду их большого объема не могут быть полностью изучены одним специалистом. Но наличие подробного научного описания²⁴ облегчает проведение «точечных» исследований. Репрезентативность этих документов также весьма высока, однако и здесь присутствует отрывочность, восполнить которую может лишь тщательное изучение архивов не только Разрядного приказа, но и местных учреждений. Кстати, в столбцах Разрядного приказа исследователями были обнаружены сметы военных сил Русского государства 1632 и 1651 гг. с указанием численно-

сти дворян и детей боярских в служилых «городах», в настоящее время опубликованные и хорошо изученные²⁵.

Наиболее важным документом, отражающим так называемый «указной» материал по истории провинциального дворянства, являются указы о верстании (в конце XIX в. А.Н. Зерцалов опубликовал указы «О верстании новиков всех городов 7136 г.»²⁶). Этот документ Разрядного приказа (выписка), хранившийся в МАМЮ и случайно оказавшийся в отделе документов Сибирского приказа, был сообщен Зерцалову Н.Н. Оглоблиным. Публикатор отметил его большое значение в связи с тем, что сама верстальная десятня 136 (1627) г. и упоминаемый тут же указ о верстании 1604 г. не сохранились. Указы освещают особенности верстания новиков в Москве и на местах и изменения в характере данной процедуры по сравнению с предшествовавшим периодом, а также политику правительства по отношению к проникновению выходцев из низших социальных слоев в число детей боярских. Здесь находим упоминания о царских указах, касающихся верстания новиков, о грамотах, посланных по этому поводу в города, о челобитных детей боярских южных «городов».

Указы о верстании городских дворян и детей боярских или, как их еще иногда называют, введения и преамбулы к десятням, частично опубликованы также в АМГ. В первом томе имеются указы 1599, 1601 и 1606 гг.²⁷ Этот вид источников следует проанализировать в контексте не только своего времени, но и истории сословия как такового, принимая во внимание и сохранение традиционного содержания указов, и их постепенную эволюцию в сторону расширения сословных рамок заключавшихся в них понятий. Источники о верстании новиков первой половины XVII в. подробно исследовал В.Н. Козляков, указавший на большое количество неопубликованных верстальных десятен²⁸. Грамоты воеводам с наказами о верстании, относящимися ко второй половине века, находятся в Полном собрании законов Российской империи (далее – ПСЗ)²⁹. Эти указы часто рассматриваются исследователями как юридические документы, содержащие правовые нормы о положении дворянского сословия в целом, разрешающие или запрещающие те или иные действия по включению отдельных лиц и целых групп в состав сословия, регламентирующие порядок его существования и действия. Однако характер данных указов нельзя назвать законодательным или правовым в полном смысле слова; существующие внутри них нормы могут рассматриваться лишь как элементы зарождения правовой регламентации бытовавших в обществе представлений о роли и функциях сословий. Указы составлялись для разбора и верстания в определенных «городах», полках и разрядах. Положение, например, замосковных «городов» и разбор в них отличались от разбора и верстания в «городах» южных («польских»), поэтому считать указы о верстании владимирцев, суздальцев, юрьевцев и др. универсальными законами о положении сословия во всем государстве, на наш взгляд, неправомерно.

В целом законодательные акты и указы, касающиеся положения дворянства, опубликованные в первом-третьем томах ПСЗ и «Законодательных актах Русского государства», в том числе и само Уложение 1649 г., являются важным источником для исследования этого вопроса, отражающим к тому же степень участия данного сословия в принятии того или иного

акта, его редактировании и проведении в жизнь. Однако привлечение законодательных актов в качестве источника подчас требует сопоставления с данными архивных фондов.

Для оценки экономического и других аспектов положения городского дворянства большое значение имеют документы Поместного приказа. С.А. Шумаков еще во времена МАМЮ опубликовал столбцы Рязанского стола Поместного приказа по Алексиному, а также «остатки» «допожарного» делопроизводства — серпуховские грамоты и выписи 1616–1626 гг.³⁰ Однако ценность этих публикаций снижается тем, что документы при всем их разнообразии (это челобитные, приговоры по делам, указной материал, преобладают же купчие и отказные грамоты) приведены выборочно, главным образом поместные акты, касающиеся московских чинов и высших слоев приказного дворянства, городскому же дворянству уделяется значительно меньше внимания. В заголовках документов принадлежность упоминаемых в них лиц к той или иной социальной группе не обозначена, поэтому выделить акты, относящиеся именно к провинциальному, а не столичному дворянству, затруднительно. Кроме того, автор разделил акты на «официальные» (в рамках отдельного «дела» Поместного приказа) и «частные» (купчие, поступные, закладные, меновые и другие грамоты), указав при этом, что последние по Алексиному опубликованы им все. Однако подобное деление достаточно искусственно, поскольку в делопроизводственных комплексах Поместного приказа отложились как те, так и другие акты и полностью дать представление о сути и ходе дела может лишь их полная (за исключением явных повторов) публикация. Эти археографические недостатки (неполнота и отсутствие четких критериев отбора) характерны почти для всех публикаций того времени.

Вслед за С.А. Шумаковым материалы делопроизводства Поместного приказа, но уже по Вологодскому уезду, опубликовал В.Н. Сторожев³¹. Для данной публикации он выбрал 39 дел столбцов за 1625–1633 гг. (однако внутри дел имеются документы более раннего времени — 1615 г. и др.) Критерием отбора послужила содержательная сторона дел с точки зрения разбираемых в них «казусов» — прежде всего это статьи Уложения 1649 г., применявшиеся при решении того или иного дела, тяжущиеся стороны и др. Все дела по Вологодскому уезду были разделены на подобные «казусы», и первое дело публиковалось полностью, остальные — с пропусками и в извлечениях. Сторожевым же был поставлен вопрос о сопоставлении материалов столбцов Поместного приказа не только с писцовыми и переписными книгами, но и с десятинами³², что актуально до сих пор. Верный своей методике сравнения отдельных видов документов, Сторожев во втором выпуске «Материалов»³³ опубликовал данные писцовых описаний по Заозерской половине Вологодского уезда в 1627–1630 гг. с выделением отдельных описаний поместий и вотчин и подведением общих итогов по поместному и вотчинному землевладению. Вместе с тем подход Сторожева к публикации данных столбцов также не бесспорен.

Обстоятельному критическому разбору первый выпуск публикации В.Н. Сторожева подверг С.А. Шумаков, указавший на расплывчатость критериев отбора, погрешности в передаче текста, противоречивость и лаконичность, а иногда и отсутствие примечаний и др.³⁴ С.А. Шумаков ни-

сал также о неполноте такого подхода, указывая на пропуски в публикации «частных актов». Вместе с тем те же недостатки были во многом присущи и его собственным публикациям столбцов Поместного приказа — в том числе неполнота и выборочность публикуемого материала, пересказ содержания отдельных документов и т.п. Представляется, что оба эти подхода — и Шумакова (с точки зрения актовой или частно-правовой), и Сторожева (с точки зрения законодательно-делопроизводственной) — являются, с одной стороны, по-своему верными, с другой — ограниченными своими же рамками.

Достаточно масштабную публикацию книг и столбцов Поместного приказа предпринял С.Б. Веселовский, опубликовав свыше 450 актов из книг и столбцов по Арзамасу и Нижнему Новгороду³⁵. В издании преобладают выписки из отказных и межевых книг, но есть также грамоты, отписки воевод, наказы и памяти, челобитные. Археографическое оформление публикации более совершенно, однако и здесь встречаются произвольные пропуски и сокращения. Кроме того, основной целью Веселовского было представление документов по истории Смутного времени, поэтому полностью он опубликовал лишь акты до воцарения Михаила Федоровича, остальные же (до 1618 г.) — выборочно: содержащие «интересные отзывы Смуты» или имевшие отношение к более ранним. Хронологическая ограниченность этого издания, несмотря на наличие в нем множества интересных фактов, не позволяет сделать обоснованные выводы относительно общих процессов и тенденций на протяжении хотя бы первой половины XVII в. Делом же будущего является полная публикация столбцов по тому или иному уезду (при достаточно обоснованных во избежание повторов пропусках), что позволит рассматривать подобный источник во многих аспектах. Сопоставление документов Поместного приказа с публикациями десятен даст возможность получить относительно полное представление о составе провинциального дворянства и других аспектах его экономического или социального положения. Предпринятое в последние годы А.В. Антоновым издание «Актов служилых землевладельцев XV — начала XVII века»³⁶, к сожалению, ограничено хронологически и не позволяет проследить процессы, происходившие в служилом землевладении на протяжении всего XVII в. Кроме того, принципы отбора документов в современном издании весьма близки к методике С.А. Шумакова, т.е. внимание уделяется прежде всего «частным актам», хотя в данном издании это сделано по совершенно другим причинам и вполне обосновано методологически.

Для исследования истории провинциального дворянства необходимо привлекать книги Печатного приказа³⁷. Важность содержащейся в них информации отмечал еще С.Б. Веселовский³⁸. Он начал работать с ними в 1911 г., но изученные им книги были опубликованы лишь в 1990-е гг. На большую информационную ценность книг Печатного приказа обращал внимание и А.Л. Станиславский, поскольку фонд приказа содержит гигантские реестры документов, систематически освещающие едва ли не все стороны жизни Русского государства и имеющие первостепенное значение для изучения истории как феодального землевладения, так и классовой борьбы в XVII столетии³⁹. В книгах имеются записи о всех заключенных в разных учреждениях частно-правовых сделках, решениях по поданным челобитным, судебным искам. Первоначальный формуляр записей был краток

и включал сведения о месте, куда направлялась грамота, лице, которому она была выдана, ее содержании (главным образом размерах земельных владений) и суммах взимаемых пошлин. В дальнейшем, уже в 1620-е гг., сведения о грамотах значительно расширились: появились упоминания о воеводах и дьяках или других должностных лицах, которым адресовывалась грамота, «приписавших» и «справивших» ее дьяках и подьячих (что позволяет определить учреждение, где она составлялась); более пространной стала информация о содержании документов, с упоминанием точной суммы исков, полных имен всех участников сделки, причинах ее совершения и др. Значительно разнообразнее стали и виды фиксировавшихся в Печатном приказе документов. Теперь все резолюции по делам, возбужденным в центральных учреждениях частными лицами, направлялись из Печатного приказа на места в виде грамот. Поэтому книги этого приказа включают в себе поистине бесценную информацию о персоналиях, не ограничивающуюся частно-генеалогическими вопросами. Ее сжатость, содержательность и репрезентативность позволяют легко сменить аспект и срез исследования и изучать почти с максимально возможной полнотой ту или иную сторону социальной и общественной жизни России XVII в. Записи Печатного приказа дают возможность не только наметить основные вехи и тенденции возникновения исторически значимых явлений, но и проследить на протяжении десятилетий их эволюцию. При работе с данным типом источников могут быть использованы количественные методы, дающие исследователю наиболее адекватную информацию. Вместе с тем информация, предоставляемая записями грамот в Печатном приказе, уже ввиду своей лаконичности не может служить единственным критерием отражения изучаемой действительности и нуждается в дополнении и расширении за счет других источников.

Таким образом, документы приказного делопроизводства при всем их разнообразии являются важным многоаспектным источником по истории русского провинциального дворянства XVII в., до сих пор недостаточно исследованным. Однако направления изучения уже намечены, и в ближайшие годы следует ожидать существенного продвижения в изучении как собственно источников, так и самого предмета исследования.

¹ Имеются в виду публикации, подготовленные А.П. Барсуковым, С.Б. Веселовским, Ю.В. Готье, Н.В. Калачовым, Н.П. Лихачевым, М.В. Муравьевым, Е.Д. Сташевским, В.Н. Сторожевым и др. Их анализ дается ниже.

² См.: Козляков В.Н. Служилый «город» Московского государства XVII века (от Смуты до Соборного уложения). Ярославль, 2000. С. 13–23. В настоящее время это единственное обобщающее монографическое исследование по истории дворянства России XVII в.

³ В России термин «дворянство» появился в официальных документах по отношению ко всему сословию

в первой четверти XVIII в. В данной статье он используется для определения состава и иерархически структурированной совокупности привилегированных военно-служилых сословных групп более раннего времени. (Большая Российская энциклопедия. М., 2007. Т. 8. С. 385–392.)

⁴ Сторожев В.Н. Материалы для истории русского дворянства. М., 1891. Вып. 1; М., 1909. Вып. 2; Он же. Тверское дворянство XVII века. Тверь, 1891–1895. Вып. 1–4; Состав рязанского дворянства по десятиям XVII века / Сообщ. В.Н. Сторожев. Рязань, 1891.

⁵ Готье Ю.В. Десятни по Владимиру и Мещере 1590 и 1615 гг. М., 1910.

⁶ Арзамасские поместные акты (1578–1618 гг.) / Собр. и ред. С.Б. Веселовский. М., 1915.

⁷ Лихачев Н.П. Сводная десятня новиков Московского государства, поверстанных в 1596 году // Изв. Русского генеалогического общества. СПб., 1909. Вып. 3; Сташевский Е.Д. Десятни Московского уезда 7086 и 7094 гг. // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1911. Кн. 1; Муравьев М.В. Разборная десятня 1574 г. по Смоленску // Летопись историко-родословного общества. 1913. Вып. 1–2.

⁸ Десятни Пензенского края (1669–1696) / Изд. Археогр. комиссии под ред. А.Барсукова. СПб., 1897. Т. 17. (Сер.: «Русская историческая библиотека», далее – РИБ.)

⁹ Акты, относящиеся до юридического быта древней России / Под ред. Н.В. Калачова. СПб., 1884. Т. 3. С. 89, 377–379.

¹⁰ Мальцев В.П. Борьба за Смоленск. Смоленск, 1940. С. 364–393. Прилож. 2.

¹¹ Роспись детей боярских Мещовска, Опакова и Брянска 1584 г. / Публ. А.Л. Станиславского // Археографический ежегодник за 1972 год. М., 1974. С. 293–301; Станиславский А.Л. Десятня по Арзамасу 1597 г. // Советские архивы. 1976. № 3. С. 100–102.

¹² Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века. 1601–1608: Сб. док. М., 2003. С. 242–289.

¹³ Павлов А.П. «Сыскной» список тверских дворян и детей боярских 1613 г. // Русский дипломатарий. М., 2004. Вып. 10. С. 203–222.

¹⁴ Публикация десятен за первую половину XVII в. продолжена сотрудниками РГАДА А.В. Маловым и В.А. Кадиком. См.: Малов А.В. Торопецкая верстанная десятня 114-го (1605/06) – 115-го (1606/07) гг. // Единорог: Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и раннего Нового времени. М., 2009. Вып. 1. С. 7–75; Кадик В.А. Ростовские десятни 1631 и 1634 гг. // Там же. С. 89–141.

¹⁵ Приходо-расходные книги московских приказов // РИБ. М., 1912. Т. 28. Кн. 1. С. 597–606, 619–650.

¹⁶ Там же. С. 705–721.

¹⁷ РГАДА. Ф. 210 «Разрядный приказ». Оп. 6 «Книги Московского стола». № 120. Л. 1–226.

¹⁸ См.: Сторожев В.Н. Тверское дворянство XVII века. Тверь, 1891. Вып. 1. С. 35; 1893. Вып. 3. С. 5.

¹⁹ См., напр., разборные книги по Нижнему Новгороду и Рязани 1675 г. (РГАДА. Ф. 210. Оп. 6 б «Книги Владимирского стола». № 3, 14.)

²⁰ Там же. Оп. 5. (88 ед. хр.)

²¹ См., напр.: Разрядная книга 125 года // Временник императорского Московского общества истории и древностей российских (далее – Временник МОИДР). 1849. Кн. 3. С. 1–140; Книги разрядные. М., 1853–1855. Т. 1–2; Разрядная книга 1637/38 года / Ред. В.И. Буганов. М., 1983.

²² РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. № 124. Л. 1–220.

²³ См.: Записные книги Московского стола // РИБ. СПб., 1884–1889. Т. 9–11. Их источниковедческий анализ см.: Новахатко О.В. Записные книги Московского стола Разрядного приказа XVII века. М., 2001.

²⁴ Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. СПб.; М., 1869–1921. Кн. 1–21.

²⁵ Сметный список 139 году // Временник МОИДР. 1849. Кн. 4. С. 18–51; Смета военных сил 1651 г. // Дворянство России и его крепостные крестьяне: XVII – первая половина XVIII в. М., 1989. С. 8–33; Козляков В.Н. Служилый «город»... С. 95–108, 115.

²⁶ Зерцалов А.Н. О верстании новиков всех городов 7136 г. М., 1895.

²⁷ АМГ. СПб., 1890. Т. 1. № 39, 40, 43, 44. С. 63–65, 77–78.

²⁸ Козляков В.Н. Источники о новичном верстании в первой половине XVII века // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода: Сб. ст. М., 1991. С. 89–101.

²⁹ ПСЗ–1. СПб., 1830. Т. 1. № 615. С. 1021–1027; Т. 2. № 635. С. 31; № 744.

С. 186–195; № 1148. С. 708–717. Анализ ПСЗ см.: Маньков А.Г. Законодательство и право России второй половины XVII в. СПб., 1998. С. 12–17.

³⁰ Шумаков С. Сотницы (1554–1572 гг.), грамоты и записи (1628–1701 гг.). М., 1904. Вып. 3; 1909. Вып. 4, 5; 1911. Вып. 6; 1913. Вып. 7; Он же. Экскурсы по истории Поместного приказа. М., 1910. Тексты столбцов по Алексину С.А. Шумаков опубликовал также в Журнале Министерства народного просвещения (далее – ЖМНП).

³¹ Сторожев В.Н. Материалы для истории делопроизводства Поместного приказа по Вологодскому уезду в XVII веке. СПб., 1906. Вып. 1.

³² Там же. С. VIII.

³³ Там же. М., 1918. Вып. 2.

³⁴ Шумаков С.А. Столбцы Поместного приказа // ЖМНП. 1908. № 4. С. 333–350.

³⁵ Арзамасские поместные акты (1578–1618 гг.). М., 1915.

³⁶ Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века: Сб. док. М., 1997. Т. 1; 1998. Т. 2; 2002. Т. 3; 2008. Т. 4.

³⁷ РГАДА. Ф. 233.

³⁸ Документы Печатного приказа (1613–1615 гг.) / Сост. С.Б. Веселовский. М., 1994.

³⁹ Там же. С. 6. В последнее время документы Печатного приказа начинают привлекать все большее внимание исследователей. См.: Иванова Е.В. Книги Печатного приказа 1613–1649 гг. как исторический источник: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2004.

Н.В. Воскобойникова

Делопроизводство охранного отделения Нижегородской губернии (1903–1913 гг.)

Ключевые слова: делопроизводство, охранное отделение, канцелярия, формуляр документа, Нижегородская губерния, Центральный архив Нижегородской области.

Система делопроизводства органов политического сыска Российской империи редко становится объектом внимания ученых, хотя сами документы, включая опубликованные воспоминания бывших руководителей политического сыска, написанные преимущественно в эмиграции¹, активно изучаются и служат источниковой базой для обстоятельных научных исследований².

Краеведы, историки, архивисты Нижегородчины неоднократно обращались к истории стоявших на страже государственных устоев империи местных правоохранительных органов, в том числе Нижегородского охранного отделения³. Однако и эти авторы не ставили своей целью изучение системы делопроизводства, а иллюстрировали историю ее создания и деятельности отдельными документами. Между тем «делопроизводство – памятник взаимоотношений субъектов и объектов власти. В нем находят отражение особенности менталитета носителей власти, характер методов политики и власти»⁴.

Процесс делопроизводства государственных учреждений Российской империи в XIX – начале XX в. регламентировался законодательством, начало которому положило «Общее учреждение министерств» 1811 г. Разрабатывая рекомендации по практическому делопроизводству, один из первых его теоретиков, Н.В. Варадинов, отмечал, что делопроизводство – это «общий порядок производства дел в присутственных местах по данным законом формам и по установившимся образцам делопроизводственных бумаг»⁵. Однако по сравнению с общепринятой система делопроизводства охранных отделений имела свои особенности, что обуславливалось специфическими функциями, которые им приходилось выполнять. Задачей органов политического сыска была борьба с развивающимся в конце XIX в. революционным движением, включавшая розыск неблагонадежных по отношению к правительству лиц, совершавших противоправные поступки, в том числе террористические акты, что требовало соблюдения особой секретности и тщательности документирования действий власти.

Первые охранные отделения в России образованы в Петербурге (1866 г.) и Москве (1880 г.), а после 1902 г. в стране создается целая сеть таких отделений, которые первоначально, до 1903 г., назывались розыскными пунктами. К концу 1907 г. их было 27⁶. Важное значение для регламентации их деятельности имело «Положение о начальниках розыскных отделений», утвержденное 12 августа 1902 г. министром внутренних дел В.К. Плеве. Этот секретный документ состоял из восемнадцати параграфов. В соответствии с § 5 начальники розыскных отделений должны были иметь канцелярию с письмоводителем и писцом, где осуществлялись: а) регистрация данных наблюдений (агентурные записки, дневники наблюдений с соответствующими сводками); б) книга денежной отчетности; в) дела по переписке; г) листковый алфавит лиц, сведения о коих имеются в отделении. Положения были разосланы на места для руководства⁷. Формально охранные отделения входили в состав канцелярий обер-полицмейстеров или градоначальников.

Охранное отделение с особым временным отделением по охране порядка и безопасности в Нижнем Новгороде было образовано в 1903 г. и входило в состав канцелярии градоначальника; имело в своем подчинении полицейские управления (создавались с 1863 г. в уездах и губернских городах). Документы Нижегородского охранного отделения и 13 уездных полицейских управлений (Ардатовское, Арзамасское, Балахнинское, Варнавинское, Васильское, Ветлужское, Горбатовское, Княгининское, Лукояновское, Макарьевское, Нижегородское, Семеновское, Сергаческое) сохранились до сегодняшнего дня⁸.

В данной статье попытаемся представить организацию работы с документами в охранном отделении Нижегородской губернии, опираясь на сохранившийся корпус источников⁹. Их осталось совсем немного. Накануне 1917 г. они находились в Дмитриевской башне Кремля, где в то время располагалась резиденция губернатора. Именно эти документы более всего пострадали от бессистемного уничтожения после Февральской революции. Тогда спешное уничтожение архивов правоохранительных органов происходило и в столицах¹⁰, и в губернских городах.

Частично сохранившийся фонд охранного отделения (Ф. 916) в Центральном архиве Нижегородской области (ЦАНО) насчитывает всего